Валентин Борисович ИВАНОВ:

Горжусь, что руководил НИИАРом

- Валентин Борисович, как вы оказались на ульяновской земле?

- Родился я в Саратовской области. Войну пережил именно там, вместе с мамой и бабушкой. Сразу после войны мы с мамой поехали к отцу на Дальний Восток, где он участвовал в войне с японцами. В 1948 году отца перевели в Куйбышев, там я и окончил школу.

В 1957 году поступил в Высшее военно-морское училище (в/ч 27169) в городе Гатчина Ленинградской области. Учился и служил (проходил практику) на крейсере «Чапаев» - на Северном флоте, в Североморске.

Забегая вперед, скажу, что в 2001 году, когда я занимал должность первого заместителя министра Министерства РФ по атомной энергии, наше ведомство шефствовало над Северным подводным флотом. Я тогда вновь побывал в Североморске, возглавлял делегацию, приветствовал моряков-подводников и передал командованию флотилии наши подарки: автомобиль «УАЗ», электронику и многое другое. Так судьба снова привела меня на Северный флот...

- Почему вы так и не стали моряком?

- В 1961 году в связи с сокращением Советской Армии и Флота училище расформировали. После демобилизации я вернулся в Куйбышев, поступил на третий курс политехнического института, на факультет автоматики и телемеханики. Наряду с учебой мы, бывшие моряки и сол-

Визитка

Родился 28 апреля 1941 г. в Балашове Саратовской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт (1963 г.).

35 лет проработал в Димитровградском НИИ атомных реакторов (Ульяновская область). В 1998-2002 гг. - первый заместитель министра РФ по атомной энергии. Возглавлял Ядерное общество России. Избирался депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Госдумы Федерального Собрания РФ. В настоящее время - главный научный сотрудник Научно-исследовательского конструкторского института энерготехники.

Доктор технических наук.

Заслуженный деятель науки РФ. Удостоен орденов Трудового Красного Знамени, Почета и других наград.

Почетный гражданин Димитровграда.

В Ульяновской области прожил 35 лет. В Москве - с 1998 г.

Член Ульяновского землячества с 2000 г.

даты, практически сразу начали работать - кто лаборантом на кафедрах, кто грузчиком и землекопом. Нисколько об этом не жалею, это дало и прибавку к стипендии, и жизненный опыт. В институте получил свою вторую медаль (первая - золотая при окончании школы) за прибор, в создании которого участвовал и который выставлялся на ВДНХ.

- Как же вы «перешли» в ядерщики?

- Дело случая. В 1963 году меня распределили в Мелекесс (ныне Димитровград), на предприятие «почтовый ящик № 30» - НИИАРом институт стал в 1964 году. Таким образом, я оказался в Ульяновской области, и Научно-исследовательский институт атомных реакторов надолго стал моей жизнью. Уже в январе 1964 года нам с женой выделили новую однокомнатную квартиру, и это была огромная радость для нашей семьи.

Надо отметить, что в Министерстве среднего машиностроения очень внимательно относились к работникам, особенно к молодым специалистам. Конечно, это была не просто политика руководства министерства, а политика государства, которое определяло нашу отрасль как приоритетную и выделяло для нее немалые средства. Я, например, будучи инженером по ядерной электронике, сразу стал получать 140 рублей - оклад и 30 процентов плюсом - квартальную премию. А моя жена, начиная работу участковым терапевтом, получала всего 77 рублей. Поэтому можно сказать, что мне с распределением повезло во всех смыслах.

- Вы работали в НИИАРе 35 лет - это действительно целая жизнь.

- С 1963-го по 1998-й я прошел там по всей карьерной лестнице. Был старшим

1959 год. Баренцево море.
Штурман прокладывает курс.

научным сотрудником, начальником лаборатории, начальником отдела, заместителем директора, первым заместителем и, наконец, с 1989 года - директором НИИАРа. В 1971 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1991-м стал доктором технических наук. Автор и соавтор более 200 научных работ и книги «Иванов - фамилия государственная», имею около 20 авторских свидетельств.

Очень горжусь, что руководил коллективом института. До меня директорами были такие замечательные люди и высококлассные специалисты, ученые с мировыми именами, как Олег Дмитриевич Казачковский (ему 95 лет, он житель подмосковного Обнинска), лауреат Ленинской премии Владимир Андреевич Цыканов (ему 81 год, живет в Димитровграде). В 2001 году на праздновании 45-летия НИИАРа собрались сразу четыре директора: Казачковский, Цыканов и Алексей Фролович Грачёв, который сменил меня на этом посту в 1998 году.

- Когда и как началась ваша политическая карьера?

- В 1989 году проходили выборы в народные депутаты, первый опыт демократии. Коллектив института в мое отсутствие выдвинул меня кандидатом в депутаты. Я в это время находился в командировке в Швеции, а перед командировкой, будучи членом Димитровградского горкома КПСС, голосовал за другого кандидата. Но начинались новые времена: по нашему избирательному округу (Димитровград-центр, Заволжский район Ульяновска, Чердаклинский, Мелекесский, Старомайнский и Новомалыклинский районы) зарегистрировали четырех кандидатов. Состоялась интересная, бурная, но все-таки честная избирательная кампания, в результате которой с небольшим перевесом выбрали меня.

В мае 1989 года вместе с шестью моими коллегами - депутатами от Ульяновской области я отправился в Москву на первый съезд народных депутатов. И с этого момента, если не считать предвыборной кампании, стал по-настоящему знакомиться с жизнью моих ульяновских земляков. Ведь Министерство среднего машиностроения имело негласное определение «государство в государстве», поэтому жизнь НИИАРа протекала достаточно замкнуто, практически никаких контактов с областной действительностью не имела...

1959 год. Северный флот. На крейсере «Чапаев».

Я стал непостоянным (приезжающим на время совещаний) членом Комиссии по промышленности и технологиям Верховного Совета, поддерживал в политическом плане группу «Союз», деятельность которой была направлена на сохранение Советского Союза и оппонирование так называемым демократам. Помогал «пробивать» в различных министерствах и ведомствах поставку труб, техники, словом, всеми путями лоббировал интересы области. В то время добывание лимитов на поставки было типичным занятием депутатов.

- Депутатская работа предполагает и общение со своими избирателями...

- Конечно. Именно тогда на личных приемах, на встречах в клубах, где выступал с отчетами о своей работе, почувствовал нужды простых людей. Вода в подвалах домов в Старой Майне, неустроенность в домах ветеранов и инвалидов войны, неправомерные действия милиции и, наоборот, преследование сотрудников МВД, желание мусульман Димитровграда и Заволжского района Ульяновска построить и восстановить мечети и противодействие этому, проблемы рабочих Димитровградского автоагрегатного завода, «Авиастара»... Активно участвовал в становлении компании «Волга-Днепр», даже встречался по этому вопросу с тогдашним премье-

2001 год. Снова на Северном флоте (визит с шефской помощью).

ром страны Николаем Ивановичем Рыжковым.

- Контакты с кем из известных политиков вам запомнилось?

- С Горбачёвым, Ельциным, Собчаком. Андрею Дмитриевичу Сахарову передал послание от работников Ульяновского машиностроительного завода, где он в начале Великой Отечественной войны около года работал технологом. Очень хорошо тогда с ним поговорили, Сахаров искренне был благодарен тем, кто его вспомнил. Хотя сначала, принимая письмо, Андрей Дмитриевич был очень осторожен, он опасался незнакомых людей и новых контактов. Но слово за слово, и Сахаров стал совсем другим, начал тепло вспоминать Ульяновск, завод. Разговор был недолгим, в первую очередь, потому, что рядом находилась его супруга Елена Боннер. Она практически всегда сопровождала мужа, ее пускали даже на съезды. Она-то и поторопила Андрея Дмитриевича завершить разговор.

- Наверное, вы испытывали чувство удовлетворения от депутатской работы, ведь это радость - помогать людям?

- К сожалению, мне недостаточно удалось сделать, потому что слишком мало было возможности повлиять на ход событий и, тем более, изменить что-то в судьбах людей. Но все же полагаю, что, не являясь политиком, не имея опыта в данной профессии (а ведь это именно профессия), как депутат я честно старался делать свое дело. И если получалось что-то пробить и выбить, кому-то помочь, удовлетворение, конечно, было.

2001 год. Димитровград. Четыре директора НИИРа.

Случались и курьезы. Помню, вел прием в селе. Заходит мужчина, садится на стул, кладет босую ногу на стол и молча смотрит на меня. А я смотрю на ногу и ничего понять не могу. Мне говорили про дефицит мужских носков в магазинах. Думаю, может, он на это намекает? И тут вспоминаю, что утром, собираясь на работу, надел носки, жена увидела дырку и сказала, чтобы переодел. А я ответил, что мне некогда и пошел в дырявых. И вот - снимаю ботинок и кладу свою ногу в дырявом носке на стол. Тоже молча. Мужик посмотрел-посмотрел, встал и вышел. Такой вот случай анекдотичный был в моей депутатской практике. Но я так и не понял, чего тот мужчина хотел...

- На его аргумент вы ответили своим аргументом и, похоже, избиратель был удовлетворен ответом… Весело.

- Весело. А потом грянул 1991 год, роспуск союзного парламента при молчаливом согласии населения огромной страны. До слез обидно, что не смогли тогда донести до людей то, что казалось очевидным: беспочвенные обещания демократов, стремление определенной группы политиков поймать больше для себя в «мутной» обстановке. Стук касок шахтеров заглушил доказательные слова и призывы. И СССР рухнул.

- Да, и мы все разом оказались совсем в другой стране, правила игры изменились кардинально.

- Я уже был директором НИИАРа. Для нас начались очень трудные времена. От государства мы получали всего 4-5 процентов необходимого бюджета, и это при том, что в институте действовали семь атомных реакторов, уран-плутониевое

производство. Одним словом, очень опасный объект нужно было содержать практически за копейки. Нечем стало платить зарплату, нечем заправлять автобусы, чтобы везти людей на работу, не на что покупать спецодежду...

- Как же удавалось выкручиваться?

- Пришлось научиться зарабатывать для института средства. Что мы только ни делали! Четыре гектара теплиц, потребляя «бесплатное» тепло реакторов, давали огурцы, их продавали и получали наличку, которой хватало на часть зарплаты.

Потом вместе с директором ДААЗа Анатолием Сергеевичем Савченко создали Димитровградский вентильный завод. Сейчас он обеспечивает почти 90 процентов отечественного рынка камерных и бескамерных шин. Тогда мы вентили меняли на камеры, камеры - на шины, шины - на колеса, колеса - на машины. Эти машины продавали и получали средства. Такой вот бартер не от хорошей жизни.

Создали еще предприятие по изготовлению железнодорожных вагонов-лабораторий, которые контролируют параметры пути, обеспечивая безопасность движения поездов. Продавали электроэнергию, производимую на опытных атомных станциях ВК-50 и БОР-60, на институтской ТЭЦ. Увеличили производство радиоактивных изотопов, начали продавать их за рубеж. Подписали контракты на исследования с Японией, Францией, Великобританией, США. Вот так и жили, так и выжили.

Безмерно благодарен своим коллегам по дирекции, коллективу института, всем, кто верил мне, терпел маленькие, с задержкой выдаваемые зарплаты и честно работал. Хотя мне приходилось снимать напряжение - часами общаться с людьми на объектах, объяснять, что и как.

Настоящей мукой были личные приемы, когда мне приносили и приводили неустроенных детей, беженцев из бывших республик Советского Союза, которым негде и не на что было жить. И весь этот клубок социальных и бытовых проблем на таком опасном предприятии! Где, не дай бог, кто-то из работников мог не выдержать и во гневе или обиде что-то не так сделать… Ведь это была бы катастрофа огромного масштаба! К счастью, обошлось.

- Но аварийные ситуации на НИИАРе все же случались, сейчас этого уже никто не скрывает.

- Были, но они не связаны с человеческим фактором. Мы пережили три серьезных инцидента, выброс радиоактивности на ВК-50 (после чего он год стоял, а мы не продавали электроэнергию), выброс йода на реакторе «Мир» и пожар в защитных камерах этого реактора. Основная причина данных сбоев - банальное отсутствие средств. Подчеркну, только профессионализм специалистов института обеспечил безопасность людей и не нарушил состояние экологии региона.

- Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Конечно, то, что произошло в 90-е годы, - катастрофа для всей страны. С другой стороны, рынок многих разбудил, подтолкнул к поиску неординарных решений и даже к прогрессу.

- Да, и, видимо, опыт работы института в таких «рыночных» условиях показался полезным нашему новому министру Евгению Олеговичу Адамову. Он в 1998 году стал настойчиво приглашать меня на должность своего первого заместителя. С начала июня фактически, а с середи-

ны июля в соответствии с постановлением Правительства РФ, подписанного его председателем Сергеем Владиленовичем Кириенко, я начал работать в Министерстве атомной энергии.

Министр Адамов и сам трудился по семь дней в неделю, и с нас требовал того же. Я отвечал за топливный цикл атомной энергетики (около 300 тысяч работающих) и безопасность. Жена продолжала работать в медико-санитарной части Димитровграда, отказываясь переезжать в Москву. Только в 2000 году, когда она ушла на пенсию, наша семья воссоединилась.

- По статусу вы всегда вращались в высоких кругах. Приходилось участвовать в ответственных решениях?

- Много чего было, но отметить хочу несколько дел и событий. Мне пришлось быть ответственным от Правительства России за подготовку соглашения «Об утилизации оружейного плутония, выведенного из оборонных программ» между Российской Федерацией и США. Два года шла эта, абсолютно непривычная мне, работа. Нужно было максимально сохранить интересы страны и отрасли, обеспечивая баланс интересов и гарантии выделения международным сообществом средств для использования плутония в мирной атомной энергетике. В командах стран были представлены в основном дипломаты, сотрудники компетентных органов, лишь я, сопредседатель объединенной комиссии, - «технарь». Пришлось посетить много государств, встретиться со многими политиками, специалистами. В конечном счете, в конце 2000 года соглашение было подписано.

Затем в составе делегации летал вместе с Владимиром Владимировичем Путиным в Казахстан и Норвегию. В Норвегии встречался на переговорах с президентом США Биллом Клинтоном, госсекретарем Мадлен Олбрайт. Много пришлось работать с партнерами из министерства энергетики США, в первую очередь Эрнстом Монизом и Розой Гетемюллер. С тех пор сложились и остались у нас дружественные связи. Вообще, международная деятельность занимала в моей работе довольно много места, так как в то время отрасль получала значительные средства от продажи природного и обогащенного урана, выполнения исследовательских контрактов.

Япония, Китай, Канада, Италия, Швейцария, Южная Корея - пришлось поколесить по миру. В Иране, где я был в составе делегации, возглавляемой Сергеем Борисовичем Ивановым, тогда секретарем Совета безопасности РФ, посетил посольство, где проходила знаменитая Тегеранская конференция, и словно оказался в 1943 году…

Запомнился визит в Таджикистан, когда я возглавлял делегацию и встречался с премьер-министром Акиловым. В Таджикистане в то время осталось всего около 50 тысяч русских (во времена СССР было 450-500 тысяч). Практически все они работали на комбинате, где ранее добывали и обогащали урановую руду. На встрече с ними хотелось плакать. Седые, в большинстве своем сурового вида люди, перебивавшиеся на нищенскую зарплату, ждали от меня как представителя Родины помощи. А что я мог сделать, когда и дома бартер вместо денег, невостребованная наука и тому подобное? Тяжелая встреча.

Так получилось, что именно в то время я вступил в ряды Ульяновского землячества - свидетельство № 051, где встретил уже знакомых и незнакомых земляков.

Далеко не всегда удавалось бывать на встречах из-за большой занятости, но все-таки связь наладилась, появилось чувство коллектива.

Гораздо большее чувство - общности возникло позднее, когда я стал депутатом Государственной Думы от Ульяновской области и снова «окунулся» в жизнь края.

- То есть вы, профессиональный атомщик, опять ушли в политику? А говорят, что в одну реку нельзя войти дважды... Что же вас к этому подвигло?

- В 2001 году Адамова отправили в отставку, министром стал Румянцев, который набирал свою команду, и в начале 2002 года я был уволен с государственной службы, тем более что уже достиг пенсионного возраста. Продолжил работу в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук - главным научным сотрудником. Я был хорошо знаком с вице-президентом РАН Лаверовым, директором этого института, он и пригласил меня на работу.

Одновременно я был научным руководителем ЗАО «Энергомонтаж Интернешнл», компании, с которой работал, еще будучи директором НИИАРа, вместе с которой (за ее средства) были разработаны лучшие в мире дефектоскопы на основе радиоактивного источника - селена-75.

Минатом не предложил мне ничего, так же поступил его преемник Росатом. К сожалению, новое поколение руководителей отрасли, не связанное с ней историей своей жизни, так называемые универсальные менеджеры, не нуждаются в опыте и преданности «бывших» специалистов. Не думаю, что это правильно.

Так вот, в 2002 году губернатор Владимир Анатольевич Шаманов, знавший меня по работе в министерстве, предложил баллотироваться кандидатом в депутаты Государственной Думы от Ульяновской области. Честно говоря, я тогда уже «наелся» работой в высших эшелонах власти с ее непредсказуемым будущим и поначалу отказывался, но после неоднократных приглашений согласился. Началась новая избирательная кампания. Если в Заволжье, Димитровграде и Мелекесском районе меня знали по прежнему депутатству и как директора НИИАРа, то в правобережье области я был абсолютно неизвестен избирателям. Пришлось целый месяц, по нескольку раз в день, встречаться с людьми. Снова увидел «глубинку», только проблем стало больше, людского горя тоже не

2000 год. Тегеран. Посольство России. У памятной доски, напоминающей о пребывании здесь И.В. Сталина.

2007 год. Москва. Государственная Дума. В гости к депутату приехали юные земляки.

убавилось… А в моих конкурентах - региональные лидеры, уважаемые люди, в первую очередь Юрий Фролович Горячев.

- И все-таки вам удалось победить?

- Конечно, не нужно лукавить: во многом мне на выборах помог административный ресурс, но, думаю, люди поверили мне как личности, человеку с богатым опытом. Помогла моя только что вышедшая книга «Иванов - фамилия государственная», которую я дарил на встречах. Помогли все мои трудовые заслуги и награды. Из них наиболее дорогие мне - орден Трудового Красного Знамени, который я получил, работая в НИИАРе, за участие в создании материаловедческой лаборатории с самым современным на тот момент оборудованием, звание «Заслуженный деятель науки РФ» и орден Сергия Радонежского II степени, которым меня наградил лично патриарх Алексий за помощь в реставрации звонницы Сергиевской Лавры.

Меня избрали по одномандатному округу (в 2002-м еще были такие), но в

Думе я присоединился к фракции «Единая Россия», вошел в группу Олега Морозова. Был членом Комитета по энергетике, транспорту и связи, возглавлял подкомитет по возобновляемым источникам энергии.

Каким я был депутатом? Наверное, не самым эффективным, наверное, совсем не политиком. Но я вновь старался честно работать... Пусть люди сами оценят мое депутатство.

- Но вы что отметили бы?

- Все, что сделано системно. Первое, я старался поддерживать культуру и образование. Особое внимание уделил музею Дениса Давыдова в Верхней Мазе Радищевского района. Собрал средства для реконструкции его бюста и музея в школе. Радищевцы и сейчас меня не забывают, приглашают на свои праздники. В прошлом году ездил туда с внуками. Хранят там даже мои стихи, посвященные этому музею и людям, его создавшим.

Радует, что помог подготовить и издать разговорник на четырех языках: татарском, чувашском, мордовском и русском. Раздавали его в библиотеки, школы, один экземпляр подарил президенту Татарстана Шаймиеву. Вообще, старался помогать всем, чем мог, национальным общинам, поскольку считаю это делом государственной важности.

Тогда же задался целью создать систему подготовки новых рабочих мест для слепых. У меня на приеме был один из активных инвалидов по зрению, от которого я узнал, что имеется программное обеспечение, позволяющее слепым работать на компьютере. Приобрел такую программу в Москве и передал ее вместе с компьютерами тем, кто в ней нуждался, в том числе вышеупомянутому инвалиду. Жаль, что не удалось изменить законодательство, чтобы этот инструмент (довольно дорогой) стал доступен всем инвалидам по зрению.

Старался уделять внимание молодым, которые, думаю, больше всего нуждаются в понимании того, что государству есть до них дело. Часто встречался со школьниками и студентами, помогал детским садам и воинам-«афганцам»…

В 2007 году меня в парламент не переизбрали - был в списке партии по Ульяновской области четвертым и не добрал голосов. Сейчас снова занимаюсь наукой в ИГЕМе, руковожу научно-техническим советом в «Энергомонтаже», возглавляю рабочую группу по энергоэффективности и возобновляемым источникам энергии в Комитете по энергетической политике Российского союза промышленников и предпринимателей. И, конечно, насколько позволяет работа, стараюсь жить вместе с землячеством, потому что меня по-прежнему волнует все, что связано с Ульяновской областью, ставшей родной навсегда.

Об этом у меня родились такие стихи:

С собой не забрать на чужбину,
На новое место жилья,
Ни дом и ни лес, ни рябину,
Прохладу реки иль ручья.

Тебе остается лишь память
О родине малой, о тех,
С кем жил и работал. Но ранит
Нас мысль, что не встретишь их всех...

Пусть не так часты общие сборы,
И встречи не так горячи,
Но все же рядом, вместе душою
Ульяновские москвичи.